

Виктор Пронин

Стукач

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Пронин

Стукач

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Стукач / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«На судьбу свою Аюшин пожаловаться не мог – столько она ему подбросила занятий, утех и всевозможных событий. На добрую дюжину добропорядочных граждан хватило бы с избытком. Фотографией он промышлял, на филолога учился, в школе что-то преподавал, правда, был изгнан за вольнодумство, отрицательно влияющее на молодое поколение, на какое-то время осел в рекламе – это было еще в те времена, когда у нас случались залежалые товары...»

© Пронин В. А.

© Эксмо

Виктор Пронин Стукач

На судьбу свою Аюшин пожаловаться не мог – столько она ему подбросила занятий, утех и всевозможных событий. На добрую дюжину добропорядочных граждан хватило бы с избытком. Фотографией он промышлял, на филолога учился, в школе что-то преподавал, правда, был изгнан за вольнодумство, отрицательно влияющее на молодое поколение, на какое-то время осел в рекламе – это было еще в те времена, когда у нас случались залежалые товары.

И была в аюшинской жизни страничка, вспоминать которую он избегал. Наверное, такие воспоминания есть у каждого – кто в вырезатель попал, кто с женщиной осрамился, что-то брякнул некстати... К примеру, взял да начальству на своего же товарища накапал, заложил, другими словами. Не из злости, не из корысти, а вот полезла вдруг пакостливость, и выбросила душа такой неожиданный цветочек. Есть кактусы – стоят себе год, второй, третий болванкой несуразной, шипами утыканной. Пять лет простоять могут без признаков жизни, наливаясь изнутри какой-то зеленой силой. А потом – раз! И поперло из него нежно-розовое волшебство, почти прозрачное, почти невесомое, как шаровары у шемаханской царицы. Глаз не оторвешь! А запах – тухлятина. Как-то выросло у меня вот на подоконнике такое же вот чудо природы. А когда утром я потрясенно подошел к мерцающему сиянию, возникшему за ночь, когда я, не подозревая опасности, вдохнул его запах... Не знаю, как и выжил. Невыносимая вонь. А в общем-то все объяснимо: одни растения пчел привлекают, другие – навозных мух. И те тоже опыляют, оплодотворяют, полезное действие производят. Но это все так, к слову. Каждый человек, наверное, такой цветочек может выбросить, не дано нам знать, что зреет в наших глубинах, чем ближних поразим не сегодня-завтра.

Ну да ладно, к Аюшину все это отношения не имеет, в испытаниях, выпавших на его долю, он проявился не самым худшим образом. В те времена работал Аюшин в газете и вел себя не то чтобы робко, но ко всем прислушивался, приглядывался, слов поперек не говорил по причине полнейшей своей неопытности в новом для него деле. Народ в редакцию приходил разный – жалобщики, отставники с воспоминаниями, тщеславные производственники с заметками о трудовых победах своих коллективов. Приходили и просто потрепаться, бутылочку вина после работы распить в разговорчивой компании. Материалы у Аюшина выходили один за другим – то очерк настроит строк этак под двести, то фельетон на сто строк ахнет, то вдруг репортаж со снимками. Так что кое-кто посматривал на него косо. Ну а с другой стороны, есть ли у нас места, где бы никто не посмотрел на вас косо-криво? Нет у нас таких мест, поскольку везде полно бездельников и людей, ни к чему, кроме зависти, не способных.

И хотя молчуном был Аюшин, но душу имел компанейскую, любил среди людей побывать, не ленился за винцом сбегать, благо недалеко было, через дорогу. Опять же девушки в редакцию заглядывали, да все молодые, отчаянные, собой хороши, не то что в нынешнее время. Что-то изменилось в мире, куда-то они подевались, а остались настороженные, угрюмо-проницательные и, похоже, крепко подуставшие от каких-то крупных жизненных неприятностей.

Все это хорошо, но случались в вечерних посиделках и анекдоты. Разные, не очень приличные, не очень почтительные к идеологическим ценностям. Все мы грешны, всем хочется хоть изредка чего-нибудь запретного, что возвысило бы нас в собственных глазах, в глазах тех же девушек. И потом, согласитесь, анекдот подтверждает остроумие и даже крамольность, а крамольники в нашем отечестве всегда, слава богу, были в чести. Кроме прочего, рассказывать или выслушать рискованный анекдот – это еще и великодушное доверие к ближним, с кем весело смеешься, поглядывая на мир сквозь стакан с красным вином. И видимо, кто-то присмотрелся к Аюшину через стакан, через шелку какую, кто-то глаз свой злой да хваткий на него положил.

И вот поднимается однажды в редакцию на четвертый этаж неприметный, не очень молодой человек в сером плаще. Не входя в кабинет, манит Аюшина наружу, в коридор, и там показывает ему свое удостоверение. Да – то, то самое, красненькое, которое вот уже в третьем или четвертом поколении вызывает содрогание, оцепенение и ужас, которое заставляет вспомнить детей, родителей, всех, с кем не успел попрощаться.

– Ишь ты, – сказал Аюшин. – Надо же...

– Надо бы поговорить... – Голос у человека оказался тихим, неприятно спокойным, будто он заранее все знал и от этого ему было скучно. – Лучше сейчас. Сможете? – От этой заботливости у Аюшина похолодело внутри, и он поймал себя на том, что не столько слушает, сколько прикидывает, с кем последнее время сидел, что говорил, над чем смеялся.

– Я с машиной, вам остается только одеться, – сказал человек, глядя на Аюшина без выражения.

– Ну что ж... Спускайтесь, я догоню.

– Так не принято... Я вас здесь, у двери, подожду.

– Пожалуйста... Нет возражений, – пробормотал Аюшин в полной растерянности, но при желании можно, все-таки можно было уловить в его словах если и не дерзость, то какую-то кривоватую ухмылку. Пришелец эту нотку ощутил, и она ему не понравилась – он был из тех, кто все непонятное воспринимает как оскорбительное, правильно, в общем-то, воспринимает.

– Я так и думал, – кивнул он.

В отделе, конечно, было полно народу, кричали сразу по двум телефонам, на подоконнике, болтая ногами, дымила юная авторша, фотокор тасовал снимки, заводителом недоуменно уставился на Аюшина сквозь толстые круглые очки, но тот лишь развел руками: «Извини, но тут такое...» И вышел, суматошно пытаясь нащупать за спиной рукав плаща. Пришелец помог ему надеть плащ. Аюшин поблагодарил, и они пошли по широкой лестнице вниз. Вместе, но не рядом. Гость немного отстал, и Аюшин оказался впереди. Это вроде бы незначительное обстоятельство больше всего угнетало его, он шел как бы под конвоем.

– Простите, а как вас звать-величать? – спросил Аюшин почти с той же непосредственностью, с какой задавал этот вопрос юным авторшам, приносящим в редакцию пробы неопытного своего пера.

– Капитан Плаксин.

– Плаксин? – переспросил Аюшин. – Нет, не слышал.

– Не беда. Наверстаете.

– Вы думаете?

– Уверен.

– Ну что ж...

– Я смотрю, настроение у вас несколько игривое?

– Это плохо? – Аюшин обернулся и улыбчиво посмотрел на Плаксина.

– Некстати, как мне кажется.

– Ну, что ж, – повторил Аюшин и больше не пытался возобновить разговор.

У подъезда стоял «газик» с брезентовым верхом. В последний момент Плаксин опередил Аюшина и распахнул перед ним переднюю дверцу. Подождав, пока тот усядется, он захлопнул дверцу, а сам сел сзади. «Грамотно, – подумал Аюшин. – Водитель рядом, Плаксин сзади, в случае чего может и по голове ахнуть, и ножом по горлу, и пистолетом упереться в затылок... Вон сколько черепов с дырочками понаходили в последнее время... Залежи! Прямо полезные ископаемые...»

Но додумывать эту страшноватую мысль Аюшин не стал и постарался переключиться на дорогу. Машина шла по знакомой улице, и уже через минуту он знал, куда именно его везут. Чуть в стороне от центра стояло массивное сооружение, занимавшее квартал. Время от времени здание перекрашивали, причем каждый раз цвет выбирали почему-то самый непотреб-

ный – то голубой, то до неприличия розовый, а однажды уважаемое учреждение предстало перед глазами изумленных горожан откровенно желтым, нежно-цыплячьего цвета. По этим перекраскам жители судили о том, какая краска поступила на склад стройуправления, когда местное начальство ждет высоких гостей из столицы, и даже о смене политических лозунгов, тезисов и призов. Легкомысленный цвет гасил суровость забот, которые одолевали сотрудников. Перекраской затыкали рот всем, кто злонамеренно утверждал, будто в ведомстве не происходит никаких перемен. Вот они, перемены, налицо, причем самые радужные. И опять же маскировка. Международная атмосфера, несмотря на потепление, оставалась переменчивой, грозила неожиданностями, и перекрасить здание перед возможной бомбардировкой было весьма полезно...

«Газик» привычно развернулся и замер у гранитного входа здания, оказавшегося на этот раз лиловым, за что его обитателей в городе немедленно прозвали импрессионистами, которые, говорят, испытывали к этому утонченному цвету необъяснимую слабость. О подвалах здания Аюшин тоже был наслышан. Посетителей больше всего поражала надежность помещений, их глубина, полнейшая звуко- и светонепроницаемость. Впрочем, это естественно, воздвигли-то еще в прошлом веке, когда строители могли вложить в него свое умение, благо в те годы оно еще было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.